

ДОНСКОЙ ПИСАТЕЛЬ

№ 10-2011
Литературная газета Ростова-на-Дону и Ростовской области

Ростовское региональное отделение Союза писателей России

Краткий протокол отчётно-выборного собрания 29 октября 2011 года

29 октября 2011 года состоялось очередное отчётно-выборное собрание писателей Ростовского регионального отделения Союза писателей России.

На день собрания в составе отделения числились 45 писателей. Участвовали в собрании 39. Это:

1. Астапенко М.П. – дов.
2. Барвенко В.В. – дов.
3. Береговой А.Г.
4. Бусленко Н.И.
5. Воронов В.А.
6. Герман Ф.Т.
7. Глазунов А.И.
8. Губарева О.И.
9. Дьяков Л.В.
10. Ефремов В.П. – дов.
11. Калмацуй В.Д.
12. Карташов Ю.И. – дов.
13. Китаев Н.Д.
14. Кеда А.И.
15. Кравченко А.А. – дов.
16. Кравченко И.Я.
17. Кудрявцев И.Н.
18. Малокова Л.Н.
19. Можяев А.Н.
20. Можяева В.В. – дов.
21. Моисеев В.В. – дов.
22. Мостипан В.И.
23. Оганесов Н.С. – дов.
24. Павленко К.И.
25. Помазков Г.П. – дов.
26. Ремесник Ю.П. – дов.
27. Роцупкин А.В.
28. Рычнев Г.Ф.
29. Сазонов А.И.
30. Сазонова И.А.
31. Сполах (Калинин) С.А.
32. Стариков Б.М.
33. Студеникина Г.В.
34. Ханин Д.В.
35. Харламов Ю.И. – дов.
36. Хартавакян К.С.
37. Хлыстова Л.А.
38. Чеботников В.И.
39. Шостко В.И.

Кворум составил 87%
Вел собрание председатель правления Воронов В.А.

Был избран Президиум собрания в составе Воронов В.А., Береговой А.Г., Студеникина Г.В., Дьяков Л.В., Кудрявцев И.Н.

Была избрана счётно-мандатная комиссия в составе Бусленко Н.И. – председатель, Рычнев Г.Ф. и Китаев Н.Д. – члены комиссии.

В голосовании приняло участие 36 человек. Три доверенности счётно-мандатная комиссия признала недооформленными.

С отчётом правления о проделанной работе выступил заместитель председателя правления Береговой А.Г.

В прениях по отчёту выступили писатели Воронов В.А., Сполах С.А., Малокова Л.Н., Сазонова И.А., Стариков Б.М., Бусленко Н.И., Китаев Н.Д., Кеда А.И., Хлыстова Л.А., Кудрявцев И.Н., Можяев А.Н., Чеботников В.И.

(Окончание настр. 8)

К членам Ростовского регионального отделения Союза писателей России

Мы, вновь избранные члены правления Ростовского регионального отделения Союза писателей России Береговой А.Г., Можяев А.Н., Студеникина Г.В., Бусленко Н.И., Глазунов А.И. Малокова Л.Н., Сазонова И.А., Чеботников В.И. Шостко В.И., хотим поблагодарить всех писателей отделения, выразивших нам доверие и избравших в состав нового правления на отчётно-выборном собрании 29 октября 2011 года.

Мы хотим отметить, что на этом собрании произошло не просто подведение итогов очередного пятилетнего цикла жизни Ростовского отделения СП России, – в этот день вы, дорогие коллеги-писатели, своей активностью, дружелюбием и крепким позитивным отношением к судьбе Ростовского отделения, закрепили право на жизнь нашей качественно и юридически совершенно новой общественной организации в рамках Союза писателей России, родившейся на собрании 28 мая 2011 года, и этому рождению способствовали все вы, члены нашей организации.

Мы благодарим всех писателей,

принявших участие в собрании и особо – прибывших, несмотря на современные коммуникационные проблемы, из самых дальних уголков Ростовской области: Волгодонска, Вешенской, Можяевки, Сальска, Белой Калитвы и других регионов.

Мы благодарим руководство Донской государственной публичной библиотеки и в первую очередь – её директора Евгению Михайловну Колесникову и заведующую отделом внешних мероприятий Светлану Михайловну Новикову за предоставление для проведения собрания прекрасное и удобное помещение – «литературную гостиную».

Мы хотим заявить о выработанных нами принципах будущей деятельности правления – курсе развития Ростовского отделения, представить донским писателям декларативную часть программы нашей работы на очередной отчётный год.

Мы считаем, что одним из самых главных и основополагающих принципов нашей деятельности и писательской жизни внутри отделения должен стать принцип товарище-

ства, взаимоуважения, соблюдения писательской этики – всех тех норм, которые заложены в Уставе нашего отделения и в самой идее создания и существования нашего Союза. Мы должны забыть о расприх внутри отделения, писательском противостоянии – нам нечего делить. Отделение уже стало единым и монолитным, мы должны развивать и укреплять это единство, растить в нём дух товарищества, строго придерживаясь уставных норм.

Поэтому мы считаем своим долгом ещё раз обратиться к писателям, по тем или иным причинам оставшимся вне отделения, – Губанову Г.В., Конохову В.Н., Макушкину В.С., Петухову Б.В., Чуперевой Т.В., Юдину Л.М. и предложить им прийти в правление и вступить в члены Ростовского регионального отделения Союза писателей России. Мы по-прежнему считаем их своими товарищами. При этом мы должны отметить, что не можем нарушать недавно утверждённый Устав отделения и принимать в члены отделения писателей, не подавших об этом заявлений.

Мы считаем основным направлением в нашей работе активизацию деятельности отделения, а именно:

1. Дальнейшее развитие, принадлежащих отделению газеты «Донской писатель» и альманаха «Дон и Кубань», других СМИ.

2. Укрепление деловых и партнёрских связей с городскими и областными институтами государственной власти, организациями и учреждениями культуры, а также – с Ростовским региональным отделением Союза российских писателей.

3. Развивать на постоянной основе работу с молодыми литературными дарованиями, в рамках которой в ближайшее время провести совещание молодых писателей Ростовской области.

4. Развивать более тесное сотрудничество со всеми литературными объединениями Ростовской области, в ближайшее время провести совещание с руководителями и активом всех литературных объединений Ростовской области с целью более углублённого знакомства и оказания квалифицированной помощи их дея-

В номере:
Краткий протокол отчётно-выборного собрания РРО СПР от 29.10.2011 г. Обращение вновь избранного правления к членам Ростовского РО СП России
1 стр.

Антонина Попова
Истоки ростовской поэзии. Экскурс в прошлое – 10
2 стр.

Золотая россыпь стихов...
Антология донской поэзии
3 стр.

Геннадий Селигенин
Двенадцатизильный. Эссе
4 стр.

Виктор Шостко
Я слышу, как маяется маятник
Стихи
5 стр.

Николай Скрёбов
Помнить и беречь. Репортаж Людмила Малюкова
О надеждах, провинции и её творческих порывах. Мнение
6 стр.

Анна Золотко
Поэт мужества. Очерк
7 стр.

С днём рождения!
8 стр.

Официально:

26 октября 2011 года секретариат Правления СП России на своём заседании утвердил решение Общего собрания Ростовского регионального отделения Союза писателей России от 28 мая 2011 года о приёме в члены Союза писателей России ростовчан прозаика Фёдора Германа и поэта Дмитрия Ханина.

Поздравляем новых членов нашей организации.

Правление РРО СП России

тельности, выявления среди их членов перспективных литераторов.

5. Систематизация работы постоянно действующего литературного семинара СП России.

6. Проведение областных и городских литературных конкурсов.

7. Участие в Шолоховских, Закуртинских, Примеровских и Калининских праздниках.

8. Празднование юбилеев писателей отделения.

9. Организация и предоставление материальной помощи писателям, выдвижение кандидатов на получение президентских и губернаторских литературных стипендий.

10. Подготовка молодых литераторов к принятию в члены Союза писателей России.

11. Проведение двух годовых собраний: по приёму новых членов в мае и отчётного собрания в октябре 2012 года.

Общими усилиями мы одолеем все трудности и проблемы.

Правление

Антонина Попова. Истоки современной ростовской поэзии. Экскурс в прошлое — 10

Девяностые годы прошли по судьбам россиян безжалостным катком изменений. Изменений в сознании, в формате жизненного уклада... Они прошли по нравственным принципам и нерушимым идеалам, по десятилетиями складывавшимся моральным устоям. «Перестройка» 80-х была только ласточкой «лихих девяностых». Нет человека, которого бы не коснулись бури перемен. Свобода... Свобода слова, свобода печати, свобода вероисповедания... Для многих свобода оказалась непо-

сильным бременем. Для многих это был порыв свежего воздуха. Перемены касались и литературного творчества в том числе.

В процессе реструктурирования литературы, столкнувшись в 80-90-е годы три ее ветви — «советскую официальную», эмигрантскую и неофициальную, которая казалась утраченной для широкого круга читателей, так как тексты 50-70-х гг. были изданы минимальными тиражами. «Освобожденная» из застенков цензуры поэзия, традиции поэзии этого периода оказывают большое влияние на творчество поэтов 90-х.

Говоря об этом периоде, почему-то, прежде всего, вспоминаются поэты-песенники. Песню в Ростове любили всегда. Она помогала пережить все испытания, выпадавшие на долю ростовчан. Как говорится, «и строить, и жить помогала». Мы уже вспоминали творчество А. Софронова, Н. Доризо, Е. Шевелевой... Но в связи с 90-ми на ум приходят имена М. Танича, Ю. Ремесника, В. Вакуленко. Разные судьбы, разные жанры, разные поколения. С их песнями мы просыпались, проводили будни, отдыхали после трудового дня...

Михаил Исаевич Танич родился 15 сентября 1923 года в городе Таганроге. Аттестат зрелости Михаил получил в день начала Великой Отечественной войны — 22 июня 1941 года. В 1942 году его призвали в действующую армию. Воевал он до 1945 года на 1-м Прибалтийском и 1-м Белорусском фронтах. В составе 33-й истребительно-противотанковой бригады прошёл путь от Белоруссии до Эльбы в качестве командира противотанкового орудия. Последние 11 месяцев непосредственно участвовал в боях. Награждён орденами Славы III степени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, 15 медалями.

*...была судьба недоедать,
Входить в растерзанные сёла,
Копать,
Стрелять
И попасть!
Любить? —
И не было глагола.*

После окончания войны проживал в Ростове-на-Дону, где поступил в инженерно-строительный институт на архитектурный факультет, но закончить его не успел. В 1947 году был осуждён по статье 58, пункт 10. Затем — 6 лет пересылок, лагерей, лесоповала. В 1953 году (после смерти Сталина) был освобожден из мест заключения и возвратился со справкой, запрещавшей жить в 39 городах страны. Позже был реабилитирован.

В 1956 году в городе Волжском, на Гидрострое повстречалась Михаилу Таничу его судьба — девочка Лида, ставшая музой поэта. Появились первые стихотворения, первые публикации в московских изданиях, книга «Возвращения», а уже в Москве — первые песни.

*Две станции:
Поехали и Стоп!
А между ними,
В долгой круговерти, —
Любовь моя,
И песня, и окоп, —
Пикеты от рождения
До смерти...*

Первая же песня «Текстильный городок» принесла автору, успех. А дальше... Вот всего несколько известных названий: «Любовь-кольцо», «Что тебе сказать про Сахалин?», «Черный кот», «Как хорошо быть генералом», «Возьми меня с собой», «На дальней станции сойду», «Комарово», «Погода в доме». М. Танич работал почти со всеми известными советскими композиторами Я. Френкелем, В. Шаинским, О. Фельцманом, Ю. Саульским, И. Николаевым, в. Малезиком... Солисты: К. Шульженко, А. Пугачева, И. Кобзон, М. Магомаев, Э. Пьеха, Э. Хиль, В. Леонтьев, Л. Долина, А. Апина, Э. Колмановский, Ю. Антонов и другие.

Михаил Танич — автор множества книг, включая песенные. В 1998 году к юбилею поэта были изданы сборники: «Жизнь» (стихотворения) и «Погода в доме» (песни). Михаил Танич — лауреат премии МВД России (1997), лауреат почти всех фестивалей «Песня года», лауреат Национальной музыкальной премии «Овация» (1997). Награждён орденом «Почёта» (1998). Почётный гражданин г. Таганрога. Почётный профессор строительного университета г. Ростова-на-Дону.

*...По литеру еду
В далёкий Ростов
С Урала, с повала —
Вот с этих фронтов.
Со справкой, а всё же
И с чувством вины,
Что очень уж долго я еду с войны.*

Последнее десятилетие 20-го века

Главный проект Михаила Танича — группа «Лесоповал». Танич 30 лет писал эстрадные песни и не собирался менять тематику. Но та душевная рана, которую он получил в тюрьме, сидя по политической статье с реальными уголовниками, была у него открыта. Он часто мысленно возвращался в те страшные годы, вспоминая всё, что он там увидел и открыл для себя.

*...Душа ли всюду побывала,
Или с годами зренье врет,
Но с возрастного перевала
Назад виднее, чем вперёд...*

Все песни «Лесоповала» — о воле и неволе. О том, что человек однажды ошибся и неправильно выбрал путь. С начала лихих девяностых Михаил Исаевич посвятил себя не просто песне, а целому песенному театру, в котором он был и поэт, и режиссёр, и душа всего коллектива.

*...Ах, форточки-лопатники,
Ах, фомочки-отмычки!
И с пивом я солёные
Сухарики жую,
А после в сером ватнике
Семь лет на перекличке
Просаживаю молодость свою...*

«Танич ведь не просто поэт, который выдумал всю эту лагерную историю. Тут одного таланта лирика маловато будет. Он человек, который прошёл этот суровый путь. Он не воспекает зону или, как некоторые пытаются передать, мол, романтик, какой-то лагерный! Ни в коем случае. Там ведь разные люди «за решёткой». Есть полные отморозки, которым никакие понятия и законы неведомы, а есть люди, которые оступились, но полны желания исправиться, вернуться к нормальной жизни. Но вот, что я хочу сказать и Вам, и всем читателям, так это, то, что счастливых людей в местах лишения свободы нет!!! Если кто-то Вам пытается преподнести мысль о том, что есть там какая-то особая романтика, одно из двух — либо человек не понимает что к чему, либо он сознательно вводит Вас в заблуждение.» (Лидия Николаевна Козлова-Танич «Российская газета».)

*...И вы не завидуйте, эй,
Что лёгкую ношу ношу,
На совести темной моей
Я, как на распятыи вишу...*

Параллельно с М. Таничем, и что интересно, с одним и тем же автором — Вячеславом Малезиком — сотрудничает в 90-е годы еще один наш земляк — Юрий Петрович Ремесник. Песни Юрия Ремесника распевает вся российская эстрада. Но львиная доля приходится на репертуар Вячеслава Малезика. Если вы начнете вспоминать творчество Малезика в те годы, обязательно вспомнятся песни «Мадам», «Попутчица», «Дон-река»...

*...Ах, какая весна ошалелая!
Безоглядно калина цветёт.
Ты надень свое платьице белое —
Белый цвет тебе очень идёт!
Ты надень свое платьице белое —
Белый цвет тебе очень идёт!*

*Ах, Дон-река, ах, Дон-река,
Тропа в траве несмелая,
И облака, и облака,
Как платье твоё белое!..
(«Дон-река»)*

Родился Ю. Ремесник 17 ноября 1939 г. в станице Кугоевская Краснодарского края. Окончил Батайское железнодорожное училище (1954), Ростовский кинотехникум, учился в Литинституте, но не закончил его. Работал ассистентом оператора на киностудии «Казакфильм». Печатается как поэт с 1978, член Союза писателей России, почётный гражданин города Азова, советник мэра по культуре.

*Ноябрь мой — Сирано де Бержерак,
Еще не растерял былой отваги.
И есть работа для пера и шпаги,
И есть кураж у старых забияк...*

— Поэзия — это ... это для меня неиссякаемая тема разговора. Помните слова А. Тарковского: «Поэзия — меньше всего литература, — это способ жить и умирать!» — говорит Юрий Петрович. — Музыка со мной всю жизнь. Все стихи писались под мелодии. Мелодии радости и грусти, мелодии ветра и дождя...

*Душу, словно гнездо, разоряю.
В облаках не витаю — прости.
Знаешь, тебя от себя отпускаю,
Не держу, Бог с тобою — лети!
(«Птаха»)*

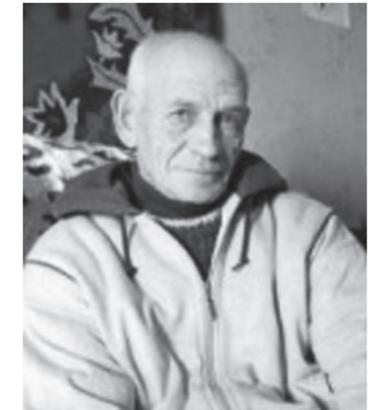
Профессор филологических наук Кубанского и Ростовского университетов, лауреат Пушкинской премии, жесткий литературный критик Владимир Федосов провел исследовательскую работу произведений поэта. Вот отрывок из его резюме: «Стихи Ю.П. Ремесника эстетичные, содержательные, яркие и талантливые. В них отражена современная жизнь во всех ее многообразиях... Удачные метафоры, образы, сравнения, звукопись...»

*Горит прощальная звезда над
старой площадью.
Торопим время, господа,
подем в прошлое.
Большую память, чёрт возьми,
дорогой памятной
К своей скамеечке любви,
другими занятой...
(«Горит прощальная звезда»)*

«Наверное, провидение нас соединило, поскольку это произошло в день моего рождения — 17 февраля 1990 года в Ростове в моём концерте во Дворце Спорта, недалеко от гостиницы «Ростов». Он принёс свои стихи, и я не знаю, какое стихотворение: верхнее или нижнее, я вытащил из той папки, просмотрел

одним глазом и строчка: «И родина сужается до родинки на девичьей заплаканной щеке», меня цапнула и я подумал: «О, парень, как ты здорово пишешь!» И попросил со сцены, чтобы после концерта он зашёл ко мне...» — вспоминает В. Малезик.

*Вот и снова зима у дверей!
Холодна её звёздная высь.
Забегу на часок — отогрей,
А не можешь — хотя бы приснишь...
(«Хотя бы приснишь»)*

«При жуткой неволе востребованности Поэзии в наше меркантильное время, как ни странно, появилось много талантливых молодых поэтов», — считает Ю. Ремесник. И это добрый знак. Юрий Петрович всегда говорил, что нельзя обольщаться в смысле влияния вашего творчества на массы людей: «Если вы затронули своими стихами души хотя бы ста человек в городе, то свою миссию, возложенную на вас Богом, — выполнили. Помните: «Талантам нужно помогать, бездарности пробьются сами».

*Не предаю тебя под пытками,
А предавшую — помилую.
Мне бы стать ночной молитвою
На губах твоих кизилевых
Чтоб ловить твоё дыхание,
Слышать голос твой серебряный.
Мне бы стать твоим желанием,
Чтоб исполниться немедленно!
(«Медленный рассвет»)*

Популярная музыка, народная и даже шансон шли по России рука об руку долгие годы. Но в девяностые, с вихрем перемен и западной культуры к нам ворвался и взорвал наше представление о музыке и поэзии новое направление — рэп. Поэтому я не могу не упомянуть, говоря о девяностых, имя Василия Михайловича Вакуленко. Наверное, многим это имя не знакомо. Но если я упомяну Баста и Ногано, меня поймёт большее число ростовчан. В. М. Вакуленко родился 20 апреля 1980 года в г. Ростове-на-Дону — российский рэпер, певец, композитор и актёр. Ведущий на радио NEXT. FM, а также режиссёр нескольких фильмов.

*Болит душа от потерь...
Верю я, ты тоже верь;
Наступит день, уйдёт печаль,
Придёт весна, уйдёт февраль.*

(Окончание настр. 4)

Антология донской поэзии

Донская земля всегда рождала и растила множество талантов. Особенно это выглядит эффектно, когда таланты эти — женщины-поэты. И мы гордимся тем, что сегодня в двух писательских союзах собрался целый венок блистательных женщин-поэтов, создающих прекрасную донскую поэзию. Мы предлагаем читателям антологию донской поэзии — «золотую россыпь стихов», созданную поэтессами Ростовского регионального отделения Союза писателей России. И надеемся в следующем номере газеты представить талантливых поэтесс Ростовского регионального отделения Союза российских писателей.

Ольга Губарева
п. Сандама
Сальского р-на

и белые ветры мели
землей полыхающе-белой...
Я песнею счастье звала,
и птица на зов прилетела —
два чёрных блестящих крыла,
среди белого — чёрная — села.
Скатилося, тихонько звеня,
колечко луны с небосклона,
зелёною стала земля,
и ветка под птицей — зелёной.
И стала её чернота
для глаза почти неприметна
в горячей чашобе листа,
в заботах летящего лета.
Но время сорвало листву
и сад разграфило на клетки:
там — ветер, там — я на ветру,
а там — моя птица на ветке...
Сковало морозами Дон,
день юркнул в закатную прорезь,
я птицу взяла к себе в дом,
и тут обрывается повесть...

Ветка сирени

Ветка сирени возле окна
Пламенем синим пляшет и бьётся.
Вроде бы, песня завершена.
Что ж нам расстаться не удаётся?..

Чуткого сердца болью не тронь.
Стали мы разом светом и тенью.
В листьях пылает синий огонь.
Как не спорить нам вместе с сиренью?

Не удаётся руки разжать.
Воздух пьянящий гулко-тревожен.

Нам друг от друга не убежать.
Конь мой раскован, конь твой
стреножен.

Приходи, помолчим вдвоём.
В жизни нашей и так бывает.
Куст калины горит огнём,
Вместе с ним и сердца пылают.

Помолчим. Скажут всё глаза.
Можно ведь говорить и взглядом.
Полыхнёт в небесах гроза,
Полыхнёт где-то с нами рядом.

Полыхнёт и прольётся дождь.
И исчезнет в волнах ненастья
Горечь ссор, суета и ложь,
Но останется вера в счастье!

Анна Ковалёва
г. Волгодонск

Человечек ты мой, человечек, —
Воплощённый от предков привет.
Сколько было поставлено свечек,
Чтобы ты появился на свет!
Сколько лет ожидание длилось,
Сколько жизней — в цветах и слезах!..
И какая прабабка молилась
О твоих чёрно-карих глазах?

Человечек ты мой, огонёчек, —
Как бельчонок, уснёшь на руке,
И прибавится новый денёчек
Каплей маленькой к вечной реке.

Своя пора весне безумной,
Глухой зиме — своя пора.
Я притворюсь весёлой, шумной —
Так начинается игра.

И яблони пышно цвели,
и кровь от зари молодела,

Золотая россыпь стихов...

Потом, покровы расторгая,
Придут прозренья и покой.
Увидишь ты, что я другая,
Узнаю я, что ты другой.
Потом душа совсем очнётся...
Но сделай шаг за край черты!
И там, за гранью, лишь начнётся
Скользкий путь из темноты.

Клавдия
Павленко
Ростов - на - Дону

Там, за чертой забытого села,
Раскаиваясь в памяти короткой,
На старое кладбище набрела
И ужаснулась я своей находке:
От надписей на плитах и крестах
Непостижимой вечностью и
детством
Пахнуло — и застыли на устах
Те имена, что знала малолетства...

Осень. Дождь. Туман. Безлюдье.
Непонятная тоска.
Пустословье, словоблудье
Пистолетом у виска.

Нас обиды одолели
И пустые словеса.
Песни главной мы не спели, —
Ослабели голоса.

Нам бы вечности беспечной!
Закружиться под дождём,
Заболеть любовью вечной,
Той, что мы уже не ждём.

Надышаться полной грудью,
Безутешно порыдать...
Осень. Дождь. Туман. Безлюдье.
Насладенье! Благодать!

Ирина Сазонова
Ростов - на - Дону

Может, в будущих днях обернёмся
сестрою и братом,
Этот путь поведёт неразрывной
дорогой любви,
Перестану нести груз привычно
во всём виноватой,
Лишь пойми — не женой, а любимой
сестрою зови.
Это тоже любовь — без стенок
и вывертов плоти,
Без тягучей тоски, а с простым
ожиданьем тепла,
Братом в дом приходи, обними
в бескорыстной заботе,
Мы покурим вдвоём под присмотром
родного угла.
Мы близки лишь душой, хоть и
выросли общие дети,
Неожиданный крен резко вывела
наша стезя...
Не поверю никак, что когда я уйду
на рассвете,
Рядом будет другой, и не ты мне
закроешь глаза...

Закончились полёты наяву,
Я подчиняюсь медленности шага,
Но снами в неподвластное плыву,
Туда, где на двоих — и жар, и влага...
Пора закрыть проём в Эдемский сад,
Отринуть окаянную дорогу,
Но хитрый ум берёт ходы назад
И не спешит с раскаянием к Богу.

Галина
Студеникина
г. Новочеркасск

Пою тебе

В твоём поту,
как в средиземном море
среди райских непокинутых земель,
плыву в священный,
сладостный, апрель —
с волной любви, как с истиной,
не споря.

Твоя зеленовласая сирена,
на глубину и в глубь любви зову:
всё дальше, дальше... в грёзы
наяву —
до яви той, что вне апреля бренна...
Я там спою тебе хвалу!

Беда

Есть сны и зимы,
нет потерь:
теряю листья — ерунда!..
Но стонет сердце: «Нет — беда...» —
не отворяет в зиму дверь.

Учусь терять, и всё ж... и всё ж:
теряю — будто предаю
любовь последнюю твою,
что мне на Лето отдаёшь...

Кнарик
Хартавакян
с. Чалмырь
Мясниковского
р-на

Племяннице Ольге

Под щедрым солнцем золотятся
нивы.
И нет конца дороге среди полей.
В небесный свод вонзились горделиво
Блестящие кроны тополей.

Ни облачка на небе светло-синем.
Какая безмятежность в нем царит!
Давай, душа, взлетим, утонем,
сгинем.
Поплаваем в лазури до зари!..

Ни пятнышка на своде необъятном,
Натянута чуть зримая канва,
Но скрытых облаков узор
невнятен,
И чистоту лелеет синева —

Без кипени по кромке,
без вкраплений
Парящих в поднебесье голубей,
Хотя меж вензелями обрамлений
Казался б фон картины голубей...

Ни облачка на своде светло-синем,
Как будто в нем разлит ультрамарин.
Давай, душа, взлетим и в небе
сгинем,
В закатный час — всплывем
в лучах зари!

К 75-летию писателя

Геннадий Селигенин

Д В Е Н А Д Ц А Т И Ж И Л Ь Н Ы Й

Мы сидим на склоне балки, под непролазным терновником. После смерти бабушки Насти дядя Исая и дядя Яков — самые близкие люди в Белояровке. В моей памяти дядя Исая всегда увязывался с золотым хороводом пчел, привкусом меда и вошины. В надетой на голову металлической сетке, с дымокуром он своими повадками походил на хирурга. Осторожно, будто череп диковинного существа, снимает он крышку улика. Вынает медовую раму, разглядывает на свет. Что-то не нравится, и он бракует её... Вот тут и начинался наш, ребячий, праздник...

Я был уже студентом, собирался в каникулы проведать родителей и, конечно, побывать в нашем родовом хуторе — Белояровке. Долго ломал голову, какой подарок привезти дяде Исая с моей простенькой стипендии. Купил за шесть рублей заморское чудо — прогонистую бутылку ёмкостью 0,66 литра под названием «бренди» с заморскими нашлапками... Мы-то привыкли к 0,5, ещё — к четвертинкам. И вдруг, в начале шестидесятых, прилавки Ростова оккупировали эти «бренди».

В цветущем клевере отыскал пасеку. После приветствий, а также короткого разговора о том, как добрался, протягиваю дяде Исая заветную бутылку. Он начинает почесывать затылок, думая, куда её приспособить. Я знаю, у него водится своё, доморощенное «бренди», выгнанное из мёда и настоенное на прополисе. Но предложить вместо «моего» ему неловко, боится обидеть. И напрасно. Из-за его фирменного продукта к нему заворачивали даже иные из районного начальства.

Дядя Исая протискивается в камышовый куренёк. Выползает с увесистой сумкой. Куренёк этот не простой, он прикрывает холодный подвалчик.

— Тут такое дело... — шевелит губами, подыскивая слова. — Пчёлы сатанеют от запаха этого зелья. Давеча пьяный Ванька Бэша на мотоцикле пригонял. И так драпанул!.. За малым уши на колеса не наматались. Айда в балку. В тёрны. С глаз подальше.

И вот мы сидим «в тёрнах». Дядя Исая выкладывает на цветной рушник огурчики, зелёные перья лука, шмат пахучего сала, краюшку хлеба, ту самую медовую вошину с оплывшими янтарными сотами... Хлопает себя по карманам, досадливо вертит головой:

— Ножик забыл.

Я подаю свой. Дядя Исая рассматривает его.

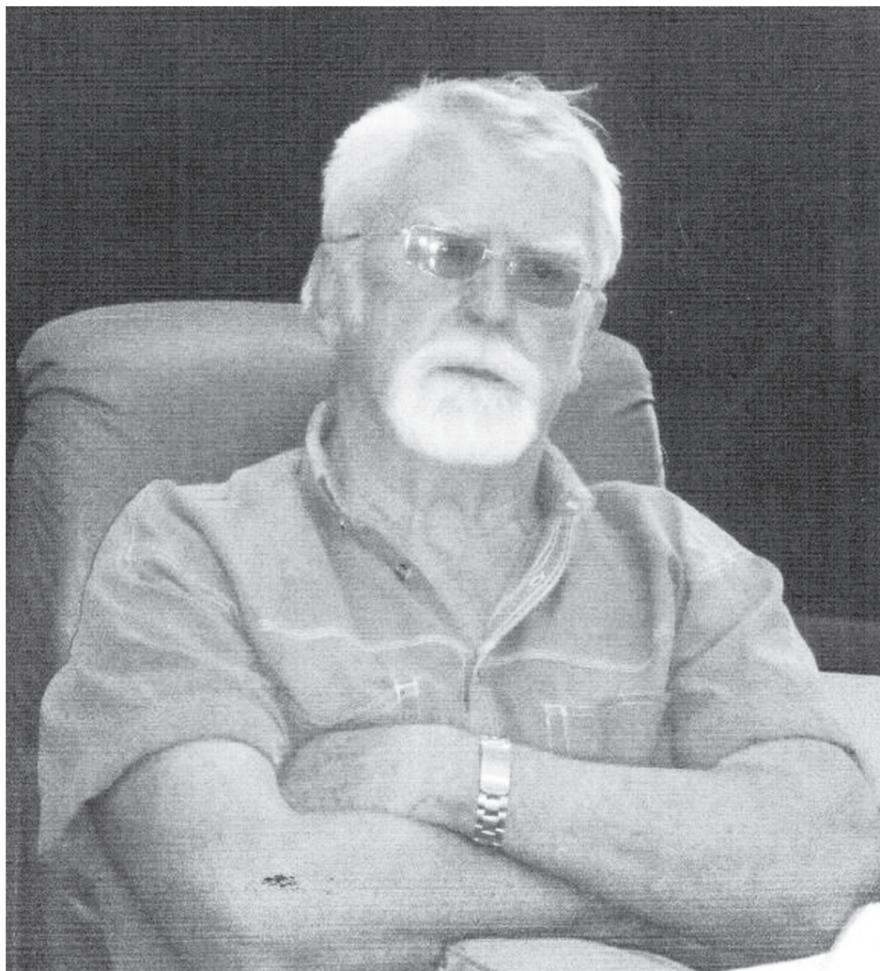
— Из четырех предметов. А у меня... — Он замолкает, словно проверяя мою реакцию. — У меня был двенадцатилетний. С костяной нарезной колодкой. Сейчас на такие ума не хватает.

Я слышал ту историю с его «двенадцатилетним» складным ножиком. Но сам дядя Исая не рассказывал. И когда по очереди вытягиваем из алюминиевой кружки едучую коричневую влагу, как бы ненароком роняю:

— А вы его, двенадцатилетний, на пасеке забыли?

Дядя Исая снова испытывает меня своими светлыми, всепонимающими глазами. Он догадывается, что я хитрю, но, видать, и самому хочется вспомнить. Говорит неторопко, смачно, будто рисует цветным фломастером на оконном стекле...

Гражданская война. Полуразрушенный Царицын. Штаб красных. «На часах» — в

буденновке, в линялой армейской одежде молодой Исая с винтовкой. Из проулка живо выворачивает очкастый человек в распахнутой шинели, с черными лохмами волос. За ним — свита из высоких военных чинов. Как взнузданный конь, человек застывает перед часовым. «Кто таков?». Красноармеец, поедая глазами неизвестное начальство, без запинки рапортует: боец такой-то, такого-то взвода, такого-то полка, родом оттуда-то. Несет службу по защите революции... «Молодец!» — хвалит расхристанный и обводит сверкающими глазами свиту. — Разве с такими орлами не победим?! — Достает из галифе складной ножик и протягивает часовому. — Бери! И помни наркома Троцкого!..».

— И какой он был, Троцкий?

Задавая этот вопрос, я не сомневаюсь, дядя Исая ответит примерно такими, как бы на века отлитыми, словами: мол, Иудушка — он и есть Иудушка.

Но слышу неожиданное: «Лев Давыдович не задирает перед красноармейцами носа. И красноармейцы уважали его. Подойдет, расспросит, кто такой, откуда, как послужит, на что жалобы, что из дома пишут?.. Немало красноармейцев по именам и фамилиям знал»...

Не ведаю, что отвечал дядя Исая энкэвдистам, но вернулся из тюрьмы через пять лет без «двенадцатилетнего». И потом до конца дней жалел, что не уберег.

Уж больно ладный ножичек был. «И для войны, и для тюрьмы, да хоть и так просто...». Ну, а как отвечал?.. Я хорошо знал дядю Исая: если уж во что уверует, свихнуть его с этого пункта немислимо. Будешь настаивать, — замолкнет, затвердеет, и ты перед ним хоть гопака выбивай, махнет рукой и отвернется. Впрочем, мне он так и не открыл, за что сидел первый раз. Доходило от других: то ли «за связь с троцкистами» или за то, что, будучи председателем колхоза, не сдал подчистую зерно. Самовольно оставил на семена. А может, и то, и другое связали в один узел. В те годы была такая мода... Спустя пару

лет после этой встречи я покажу дяде Исая печатный рассказ очевидца о том, как Лев Давидович Троцкий собственноручно расстреливал из маузера учителей гимназий и священников...

Он долго и подозрительно будет поглядывать на меня...

Второй раз его посадили перед концом войны. Зерно хуторяне, у кого оно сохранилось после немцев, толкли в ступке или прогоняли на самодельной «рушке». Как в стародавнюю пору. Муторное это было занятие. По себе знаю. И вот дядя Исая соорудил на бугре «ветряк». Достал где-то плоские камни, приспособил под жернова. Получилась мельница. Не особо знатная, но все же...

Сначала молот для себя. Потом стали проситься другие. «Дед Исая», так звали его в хуторе, никому не отказывал. Люди облегченно вздохнули. Но нашелся скрытый «доброхот», которому этот «ветряк» стал поперек горла. Отписал куда надо: будто самовольный мельник берет с колхозников мзду за помол. И снова — казенный дом...

Дядю Ефима я не знал. Его забрали в тридцать седьмом. Шестнадцатилетний сын Петро набавил себе два года и в сорок третьем добровольно пошел на фронт «кровью смывать позор отца». Окончил ускоренные летные курсы. День Победы встретил капитаном. А все трое — и мой отец, и дядя Ефим, и дядя Исая — были в гражданскую красногвардейцами. За что и почему взяли простого колхозного конюха дядю Ефима, где сгинул — так и осталось тайной.

Ну, а дядя Исая... Другого бы такие извивы судьбы изломали, измельчили, а он... Не замечал, чтобы когда-либо молился или поминал имя Божье. Но немало в его жизни и судьбе было по Христу. От дяди Исая исходила спокойная душевная сила. Я заряжался ею, вроде аккумулятора от источника электричества. Рядом с ним мне было стыдно за свою раздерганную, скачковую жизнь, за душевный неуют...

В доме дяди Исая, даже в тяжкие для всех времена, когда он не сидел в тюрьме, был достаток. По сравнению с другими хуторянами, конечно. У него и яблоки были крупнее, и сливы вкуснее, и дыни пахучей да сахарней. Ломтики во рту таяли. А уж пасека... Иные завидовали. Но невольно подтягивались до его положения. Он же делился, чем мог. В собственном хозяйстве горбатил после колхозной ломовой упряжки. Как и все. А пришлось ему помытарить и председателем, и водовозом, и пастухом, и конюхом, и плотником, и сторожем... Но пчеловодил всегда.

С ним не было скучно. Как и мой отец, он окончил всего два класса церковно-приходской школы. Оба были великие книгочеи. А библиотеке дяди Исая мог бы позавидовать иной доктор филологии. Он выписывал почти все центральные газеты и журналы. Местные — обязательно. Библиотека занимала обширную веранду и добрую часть флигеля. Десятки страниц «Тихого Дона» дядя Исая знал наизубок. Как иные — Библию. Для него книга та, похоже, и была Библией. Тут мне вообще не с руки было с ним тягаться. А однажды он выдал: «Знаешь, в тридцатых годах «Тихий Дон» спас меня и всю семью от верной гибели. Зимой было дело. Ночью. На дворе метёт, воет. Все уже послули, а я читаю на лежанке, при лампе керосиновой. Чую, что-то не то, что-то в ноздрях нехорошо щекотит. Глядь, а задвижка в грубке закрытая. Чад по хате стелится. Будить своих, а они никак, нанюхались уже. Открыл двери, устроил сквозняк. Молока — через зубы... Еле откачал».

Но, конечно, прикипел он душой к «Тихому Дону» не только поэтом. То был рекевию по нему самому и по его надеждам. А надежды таились насчет той земли, которую обещали. За неё все трое и хлестались против своих же.

Я получил телеграмму о кончине дяди Исая и в тот же день вечерним шестичасовым «Ростов — Саратов» отправился в Морозовск, откуда ближе всего до хутора — двенадцать вёрст. Была страшная распутица. В Белояровку прибыл, когда дядю Исая уже похоронили.

Саня, моя двоюродная сестра, а его дочь, рассказывала: «До последнего — на ногах. В тот день старую грушу корчевал... Гляжу — во двор зашел, к забору притулился. Я к нему: «Батя, вы чего?». А он: «Налей-ка мне рюмочку... Что-то теснение в груди... — Да вы, может, сразу и повечеряете. Пора. — После. Полежу трошки». Выпил стопку своего, ты же знаешь, оно у него от всех хворей, и пошел к себе, во флигель. Потом... Уже смеркается, а бати во дворе не видно. А он завсегда в этот час с худобой управлялся. У меня сердце сдавило. Накинула платок и — к нему. А он лежит тихонько на топчане, лицом к стенке отвернутый. Торк в плечо: «Батя, батя!». Повернула его, а он — мёртвый...».

Хозяйской сметкой и трудолюбием, чуткостью и душевной щедростью родился с дядей Исаям и его зять — Володя Кононов, муж Сани. Я сильно привязался к нему... И когда его слишком рано не стало, Белояровка для меня как бы обеднела. А вообще такие люди напоминали мне пчёл. Они и умирали на лету. Умирали безропотно, с тайной виной, что не успели донести до своих ульев очередной порции медового сбора.

Виктор Шостко *Я слышу, как маятничек*

О чем же писать, дорогие,
Невечные гости земли?
О том ли, как ветви нагие
В печали мои проросли;

О том ли, что ветер и воздух
Затем существует вокруг,
Чтоб некий пророческий возглас
Явил нам провидческий дух;

О том ли, что снится ночами
И лепится из черноты,
А утром встает за плечами,
Скрывая от взгляда черты;

О том, что со дня сотворенья
Впервые не чует зверьё
Опасности уничтоженья.
А мысль ощущает её.

Как пришедший не ко двору
В этой жизни, а может, и в прочей,
Взглядом пристальным переберу
Всё, что прятаться больше не хочет:
Проступившее зыбким пятном
Одинокое дерево в поле
И объятый предутренним сном
Сток, похожий на дом поневоле.
Словно веи безвестной судьбы,
Тяжкий крест молчаливо несущей,
Бесконечные эти столбы

На просторе, где хлеб наш
насушенный
Но открою вагонную дверь —
И в судьбу мою ветер ворвётся.
Сколько было надежд и потерь!
Что же мне от всего остаётся?

Остаётся небесная твердь,
Остаются поля и яруги.
Между тем как светлеть и светлеть
Будет в смутной душе и в округе.

Маятник

Я дома.
И снова я маленький.
Не сплю в обступившей ночи.
Я слышу,
Как маятничек маятничек,
Как в паузах сердце стучит,
Стучит,
Пока ветер не выстудит,
Пока не иссякнет завод...
Зарница мгновение высветлит,
Листья еле слышно вздохнут,
Собака зайдётся,
И с танцами
Пройдёт бесшабашное «эх!»
Бездомная музыка станции
Подхватит потерянный смех.
Состав безмянный покатится,
Пойдёт ковылять в ковылях,
Со временем спорить и маятничек
Калекою на костылях.
Всё стихнет.
Но эхо невнятное
Вернётся, тревожа листья,
Где улица — голь перекатная —
Впадала в мой сон наяву
Землей, обожжённой и глинистой,
В которой хранила меня,
Откуда всем миром и вынесла
Под солнце победного дня.
Из жизни её керосиновой,
Из тусклого счастья в обрызг,
Осколок стекла апельсиновый
Ночами мне светит с небес.
Я сердце раздумием трогаю,
Внимая полночным часам, —
Тропинка вернулась дорогою,
А кем же вернулся я сам?
Что значу
Пред каждым мгновением,
В тиши сотрясающим дом,
Надеждою, верой, сомнением
Как в будущем, так и в былом?
Не колокол — маятник маятничек,
Но слышу вблизи и вдали,
Как с памятью переключается
Бессонная память земли.
И столько любви в её голосе,

Волнующем и в забыты,
Что мнятся
Негорькими горести,
Нестрашными страхи мои.

Вода

Воде дана способность отражать
Созвездья и склонившиеся лица,
И разум человека поражать
Загадкою,
Что в глубине таится.
Вода бежит, качая облака,
Или стоит,
Как грусть в глазах любимой.
И можно на неё смотреть века,
И мыслью жить почти неуловимой.

Зеркало

Выдохся гром,
И рассеялась мгла.
В тучах блеснули провалы.
Дождь по земле разбросал зеркала,
Чтоб, торопясь,
Ты смотреться могла.
В эти круги и овалы.

Ты в каждой капле
Готова блеснуть,
В каждом ручье отразиться.
Выйдешь —
Тобой переполненный путь
Плачет, смеётся, двоится.

Всё, что ни вымолвишь ты на бегу,
Как ни взглянешь торопливо —
В зеркале памяти я берегу
Как мимолётное диво.

Предчувствие

Пока нельзя увидеть глазом
И внятно вслух произнести,
Но что-то изменилось разом,
Невыразимое почти
Пока одно лишь ощущение
Неразличаемых примет,
Неуловимое смещение,
Почти сходящее на нет,

В листве, пока ещё зеленой,
Усталой, может быть, слегка,
В душе, пока ещё влюблённой,
Но ощущающей — пока...

В осенний день, когда тепло
И грусть, как святость, в человеке,
А свет, запаянный в стекло,
Остановился в нём навеки,
Так неподвижен жёлтый лист,
Так незаметен тёплый воздух,
Что слышен в мире
Каждый свист
И различаем каждый возглас.
И я тому, быть может, рад,
Что в час,
Когда другим печально,
И высь, и даль, и встречный взгляд
Со мной вот-вот заговорят,
Не в силах вынести молчанья.

Звезда, которой нет на свете

— Не жди попутную машину.
На льду костей не соберёшь.
Иди пешком через равнину.
Сам не заметишь, как придёшь.

Иду. Мерцает над плечом
Звезда, которой нет на свете.
А жизнь её пустым лучом
Из тьмы неведомого светит.

Иду. Проваливаюсь в снег.
— Дойду ли? — думаю в испуге.
Нет ни столба, ни прочих вех.
Хотя б намёк какой в округе.

Не держит ногу хрупкий наст.
В степи ни кочки на примете.
Но заблудиться мне не даст
Звезда, которой нет на свете.

Антонина Попова. Истоки современной ростовской поэзии. Экскурс в прошлое — 10

*И мне не жаль, ничего не жаль,
Полный газ и — в пол педаль
Время — стоп! Стоп, печаль, —
Улетай.*

Он рос в семье военных, покорно подчиняясь домашнему уставу, отправляясь ежедневно в общеобразовательную и музыкальную школы, слушая с пацанами разную музыку и предаваясь настоящим детским развлечениям. Но поддаваться родительским увещаниям об образовании парню долго не пришлось. Он успел окончить школу, поступить в музыкальное училище, даже проучиться какое-то время на дирижерском отделении. Но всё это казалось не его. Он не видел себя никем, кроме как рэпером, и стал двигаться в этом направлении, благо первый опыт он получил уже в 15 лет.

*...Скажи мне, Мама, сколько стоит
моя жизнь,
Моя жизнь — это драма, моя душа
несётся ввысь,
(Мама))*

Василий сумел оценить рэп и хип-хоп, как направления, не терпящие лукавства. Всё в них чётко и конкретно, нет двусмысленности

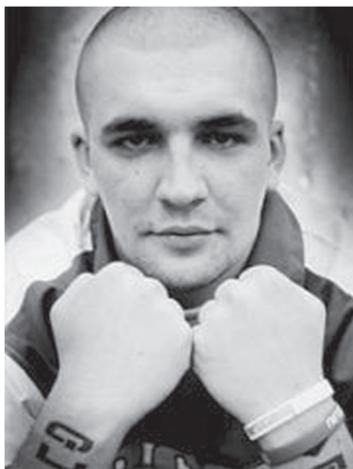
и прочих отвлекающих приёмов. Кроме того, в этой музыке есть определённый вызов, она отлична от других направлений, и это очень пришлось по духу подростку того времени. В Ростове он был достаточно популярен среди молодёжи и даже заезжих гостей. Его группу «Объединённая Каста» узнавали по песне «Первый удар», которая быстро набрала рейтинг и подхватывалась зрителями, стоило только парням выйти на сцену.

*...Вы запомните меня,
я буду вам снится,
Ворвавшись в вашу в жизнь
огромной белой
Птицей,
затмив свет солнца
Своею стиною
я уведу вас за собой...*

Вводя стремительно культуру хип-хопа в свой родной город, Баста заметил, что не избалованные зрелищами и свежими эмоциями горожане охотно воспринимают бодрящие ритмы. Хотя внешний вид хип-хоперов шокировал критиков и общественность, молодёжь подхватывала песни и вслушивалась в слова. К 18-ти годам

Последнее десятилетие 20-го века

(Окончание)

у Басты появилась очередная песня — «Моя игра». Эта работа полностью изменила его в карьерном плане.

*...Со мною всё нормально,
ну и что, что кровь из носа,
Со мною всё нормально, просто
я стал очень взрослым,
Со мной всё хорошо, просто
я забыл, как дышать,
Я начал игру, но забыл, как играть.*

*Всё нормально, просто стало
вдруг темно,
На юге стало холодно,
на севере — тепло,
Остался я один, сам по себе,
сам за себя.
Остался только Бог,
который смотрит на меня...*

Прошли девяностые, унося с собой всё наносное, чужое, недоброе. Всё хорошее, светлое осталось с нами. С нами осталась музыка тех лет, стихи, память о людях, их мечтах и делах. Мы смогли пережить очередное лихолетье, благодаря, в том числе, и стихам.

*Ты, я, мы с тобой — одно целое,
Я — ночь, ты — день,
я — черное, ты — белое,
Моя любовь к тебе на крыльях,
как птица, прилетит.
Смотри, капля дождя, стекает
как слеза,
Родная, так плачет весна...*

Использована литература:

1. Левченко М. А. Русская поэзия 1980-90-х: смена парадигм.
2. Татьяна Феоктистова. Беседа с Л. Н. Козловой-Танич. Газета «Время Шансона».
3. Михаил Танич, «Играла

музыка в саду», М., «Вагриус», 2000.

4. Юрий Ремесник: «Поэзия — это неиссякаемая тема разговора»: интервью Аллы Ивахненко с Юрием Ремесником // Любушка. — 1999. №19.

5. Баста. Интернет-ресурс www.gl5.ru/basta.php

Объявления для писателей:

*11 декабря 2011 года Ростовское региональное отделение СП России проводит совещание молодых писателей Ростовской области, которое пройдёт в помещении Донской Государственной публичной библиотеки с 12 до 16-30 часов. Приглашаются все члены Ростовского отделения СП России.

*Для создания электронной версии справочника Ростовского регионального отделения Союза писателей России, правление отделения просит всех его членов в срок до 10 декабря 2011 года прислать в правление или на адрес электронной почты: begegovo@ctsnet.ru краткие биографические и библиографические сведения о себе.

ПОМНИТЬ И БЕРЕЧЬ

К 20-летию Ростовского регионального отделения Союза российских писателей

21 октября 1991 года в Москве открылся учредительный съезд новой творческой лиги — Союза российских писателей. Двадцать лет спустя в Ростове члены этого союза, их читатели, представители ростовских литобъединений собрались в Донской публичной библиотеке, чтобы отметить 20-летие Ростовского регионального отделения СРП.

После краткого, но ёмкого выступления председателя правления Михаила Коломен-

Мария Манакова

ского и приветственной песни ростовского барда Евгения Живицына вести творческую встречу было поручено мне. Честно говоря, такая миссия была для меня одновременно и лестной, и волнующей. Ведь за прошедшие два десятилетия из жизни ушли многие писатели, отдавшие предпочтение демократической альтернативе Союза писателей РСФСР. Удастся ли воздать должное им, не дожившим до нынешнего юбилея писательской организации, которую они, по сути, создавали? В то же время хотелось, чтобы выступили и те, кто пополнил отделение СРП уже в новом веке.

В зале оказались и совсем молодые литераторы, ровесники нашего Союза, студенты Донского технического университета, где уже более десяти лет юные поэты посещают литобъединение «Путник», руководителем которого до своих последних дней был Эдуард Холодный. Теперь с этими ребятами занимается поэтесса Людмила Бурцева. Она-то и попросила меня дать слово двум нашим гостям — Катерине Демиденко и Лидии Савиной. Девушки прочитали стихи, затем выступила Людмила Бурцева с лирикой Даниила Долинского и своей. Так

постепенно установилась атмосфера встречи поэтов разных поколений.

Недавно принятый в СРП математик Борис Вольфсон подготовил к этой встрече своего рода электронную галерею портретов покойных писателей. В зале гаснет свет, звучит «Адажио соль-минор» Томазо Альбини, на экране возникают и приближаются к нам лица, даты рождения и смерти Натальи Апушкиной, Георгия Булатова, Георгия Буравчука, Юния Гольдмана, Леонида Григорьяна, Даниила Долинского, Моисея Иткина, Бориса Козлова, Николая Косенко, Михаила Мировича, Виктора

Сергей Суший

Стрелкова, Натальи Султан-Гирей, Игоря Халупского, Эдуарда Холодного, Павла Шестакова. Зал рукоплещет, а я, преодолевая нахлынувшие чувства, продолжаю вести творческую встречу.

Нас тепло и радушно приветствует заместитель директора Донской государственной публичной библиотеки Светлана Ивановна Сорокина. Она преподносит поздравительный адрес и великолепный альбом, изданный к 125-летию главной библиотеки Дона.

Этот день совпал с днём рождения первого председателя правления нашей писательской организации Игоря Михайловича

Бондаренко, который живёт и работает в своём родном Таганроге, и все участники встречи аплодисментами поддерживают моё предложение поздравить известного прозаика, пожелать ему здоровья и творческого долголетия.

Да простит мне читатель репортажный стиль, на который меня побудило перейти желание воссоздать ту дружественную обстановку, в которой проходил юбилей.

Прочитав стихи Юния Гольдмана, опубликованные в журнале «Дон» в 1981 году и не утратившие своей остроты в наши дни, приглашаю на сцену Ольгу Андрееву. Автор пяти поэтических книг и многих отличных подборок в периодических и сетевых изданиях, она начинает выступление стихами старейшего, но так и не состарившегося поэта, ветерана войны Моисея Рувимовича Иткина и только после этого знакомит зал новинками своего творчества. Так же поступает и поэт Валерий Рыльцов: он начинает стихи своего безвременно умершего друга Георгия Буравчука, потом переходит к своей гражданской лирике. Как эхо дружбы, звучат стихи Георгия Булатова в устах знакомой с ним ещё по нестеровскому литобъединению «Дон» Любови Волошиновой. Трогательным стихотворением, посвящённым памяти Даниила Долинского открывает своё выступление Мария Манакова. Один за другим выходят к микрофону Александр Соболев,

Борис Вольфсон, Сергей Суший, Виталий Фёдоров, другие поэты — и оживают строки Леонида Григорьяна, Эдуарда Холодного, Игоря Халупского, Виктора Стрелкова... Композитор Сергей Халаимов исполняет свои песни на слова Моисея

Иткина и Натальи Апушкиной. Когда звучит песня «Для чего Земля кругла», многие в зале подпевают (слышала бы это Наталья Борисовна...)

В мой адрес поступает упрёк: «зажимаю» прозаиков! Вглядываясь в зал, вижу внимательные глаза Инны Калабуховой, Вениамина Кисилевского, Олега Лукьянченко. Последнему предлагаю выступить и, кажется, не ошибаюсь. Главный редактор журнала «Ковчег», посетовав на то, что среди авторов этого издания последнее время редко встретишь наших коллег, переходит к воспоминаниям о том времени, когда он вместе с Олегом Афанасьевым, Леонидом Григорьяном, Вениамином Кисилевским Николаем Косенко, Валерием Пискуновым одним из первых был принят в возрождённый Союз российских писателей. И не только ностальгией проникнуты его слова, но и надеждой на лучшее будущее СРП.

Нина Огнева рассказывает о серии издательских книг «32 ПОЛОСЫ», инициатором и главным редактором которой она стала в последние два года. Сотый выпуск этой серии тут же расходит по рукам — это устав Ростовского регионального отделения Союза российских писателей с краткими биографическими справками обо всех членах этой организации с 1991 по 2011 год.

Держу в руках эту книжечку, и меня охватывает чувство, в котором ещё предстоит разобраться. Впрочем, главное в этом чувстве ясно уже теперь: как это важно — помнить о товарищах, покинувших наш беспокойный мир, и беречь тех, кто остаётся с тобой, ходит по той же земле, дышит тем же воздухом и напишет — Бог даст — ещё немало книг.

Николай Скрёбов
Фото Валерия Рыльцова

Людмила Малюкова О НАДЕЖДАХ, ПРОВИНЦИИ И ЕЁ ТВОРЧЕСКИХ ПОРЫВАХ

В который раз мною овладевает желание обратиться к весьма традиционным вопросам: о чем мы пишем? Как мы пишем? Что побуждает нас взяться за перо? Камертоном стали две публикации: С. Филатова «Вся надежда на провинцию» («ЛГ» 2011 №27) и А. Назаренко «Хотелось бы читать «Донской писатель» постоянно» (2011 №5). Предвижу, что в такой сопряженности кое-кто увидит некоторую несоразмерность. Но в ней как раз и есть начало нашего «дискурса». Где-то подспудно прорываются мысли: что стало с нашей русской литературой? Почему в эпоху, когда траектория полёта русской души резко устремилась в бездну, о ней забыли? Даже в апокалипсическое время 1917 года её уникальность была неоспорима. В. Розанов писал: «Гениальна в истории России только литература». Изменился ли сегодня её характер? Изменились ли мы? Вопросы, вопросы... Разрешить их весьма сложно. Но, задавшись ими, мы перейдём к аспекту, в котором сопрягаются «надежды на провинцию» и «сущность» её литературной ауры.

Замечу, лично у меня ориентир на «постоянность» вызывает неуверенность: «А есть ли у нас сегодня газета, которую «читали бы, зачитываясь»? За последнее время что-то «не видать». Так что и к «Донскому писателю» под №5 в этом отношении у меня большие сомнения. Скорее одно из двух: либо автор лукавит, либо его планка требований занижена. Так или иначе, но чрезмерный восторг перед «обычным» никогда ещё не был во благо. Конечно, я ничего не имею против стихов В. Мочаевой: это настоящая поэзия, но стоит ли афишировать её как единственную «против всех» — «лучшую»,

по утверждению А. Назаренко, «во всей России о жизни села»? Известны ли ему Н. Рубцов, А. Прасолов, С. Дрофенко, Ю. Кузнецов? А из живущих Василий Казанцев или философски глубинная поэзия Николая Зиновьева?

Не могу согласиться и с «большой нужностью» «практического применения в работе» публикаций под рубрикой «Полемика» о русском языке, при всей важности выдвигаемой проблемы. Не получилась ожидаемая дискуссия, предполагающая по своей задаче остроту суждений и «конфликтность» мнений. Кроме того, ссылки в ней на имена и классические тексты порою весьма зыбки. Так в одной из публикаций приводятся стихи А. Фета: «Как беден наш язык! — Хочу и не могу — не передать того ни другу, ни врагу, что буйствует в груди...». В них речь идет вовсе не о «богатстве русского языка», как это утверждает автор, а о безмерной буре чувств, которые не способен передать язык. Или утверждается: «Прав классик... Многократно прав. Великий язык — великий народ». О каком классике идет речь, не каждый догадается. Тургенев ли? А. Шишков из пушкинской плеяды, заметивший: «Язык есть душа народа, зеркало нравов, показатель просвещения... Возвышается народ, — благоденствен язык: благоденствен народ, — благоденствен язык...»?

Что же касается критической публикации «Эх, залётные!», не вызывающей, впрочем, сомнений в объективности оценок, не могу не отметить её «неудобочитаемость»: слишком часто перемежаются критические интерпретации с текстом автора, попавшего под обстрел. Такая перегруженность затрудняет восприятие.

Акцентированное внимание А. Назаренко на «научности» статьи М. Муна об истории библиотеки и её работе — очевидный «перебор»: её характер информационно-публицистический. Оригинальны воспоминания В. Воронова о Б. Примерове, Г. Селегенина «Глаза души», наполненные изяществом и тонкой наблюдательностью. Отчасти, вероятно, и потому, что донская земля всегда была щедрой «замечательными личностями». Впрочем, у В. Воронова таких воспоминаний в «Донском писателе» несколько, и все они по настоящему интересны, написаны живым образным словом (О.В. Фоменко «Жажда жизни и слова», В. Сидоров «Он слышал века гул», В. Закруткине и А. Калинин «На войне и в литературе»). Мое внимание обратила подборка стихов юной Татьяны Шмидт, обещающей хорошую перспективу.

Но не станем перечислять все «за» и «против» пятого (или третьего) номера газеты: отметим лишь, что он мало чем выделяется из общей панорамы других выпусков «Донского писателя». Между тем невольно возникает вопрос: как сопрягается провинция с той «надеждой» о личностях, «всесторонне подготовленных для своей творческой деятельности», о которой заявляет С. Филатов? Правда, он ведет речь о молодых авторах. Мне же хочется перевести вектор разговора на более широкий объект: ведь читателю важно не сколько лет автору творения, а интересно ли оно, и как «отзовется слово» в душе? Может ли писатель в наше время, накопившее огромные пласты отечественной и мировой культуры, оставаться непричастным к ним? Для определенного ряда критиков, вероятно, да. При этом выдвигается «контраргумент»: а Бунин, а

Горький? Ведь образование завершили на 4-х классах, а поднялись до уровня классиков? Но забывается, какую универсальную школу самостоятельного обучения прошел каждый из них: И. Бунин после начальных классов Елецкой гимназии под руководством брата Юлия «освоил» весь университетский курс гуманитарных наук, а 25-летний Горький блестяще знал русскую и мировую литературу.

В публикациях наших авторов недостаток литературно-художественного «багажа» весьма ощутим, а их творения, нередко, будто сотканы из «сырого материала». Однако самокритичности, ох, как недостает. Когда я читаю в «Донском писателе»: «Дон и Кубань» публикует произведения «на высоком художественном и интеллектуальном уровне», а наша «чистая» газета возвращает престиж писательским именам, думаю, что такой оценке позавидовали бы благословенный и ныне журнал «Новый мир» и «Литературная газета». Когда в статье «Донская литература без казачьих сюжетов» мне «открывают», что в наше время «утраченных идеалов» только «донские писатели — люди, которые чувствуют и остроту, и вкус жизни», и стоит читателю «прочитать пару-тройку их произведений, как он тут же убедится», что есть ещё истинные ценности, — позвольте весьма усомниться в столь блистательной рекламе. Подобные примеры нередки. Особенно разительны «несовершенства» всякого рода в поэзии. В пятом номере «Донского писателя» читаю о нашем «великом могучем русском языке», которому автор «клянётся» «быть верной, обет не нарушив», потому как он его «кровная-словная дочка, дитя... /плоть твоих слов и влекущих созвучий, /Что влились мне в сердце, там /благовестя». Клятва выдана, как говорится,

Анна Золотко ПОЭТ МУЖЕСТВА

Здравствуйте, уважаемая редакция!

В нашей школе есть литературно-краеведческий кружок «Буревестник». Он работает уже много лет. Когда-то на его занятия ходила моя мама, спустя годы активной участницей его была моя старшая сестра Ирина (сейчас она студентка), теперь стала кружковцем и я. И в прошлые годы, и в настоящее время школьники на занятиях кружка изучают литературу Дона, произведения тех писателей, которые бывали на земле донской. Мы любим Донщину, хотим знать историю своей малой родины, её культуру, потому что нельзя без этого.

В этом году я работала над исследованием жизни и творчества Михаила Александровича Авилова. Я прочитала много книг, газет, встречалась с дочерью поэта Евгенией Михайловной, рассказывала о поисках и находках своим сверстникам. 21 ноября ему исполнилось бы 104 года. Может быть, сведения, которые я нашла, будут интересны и читателям газеты...

С уважением, Золотко Анна, ученица 9 класса МБОУ Вербочанской СОШ Морозовского района Ростовской области

*И жизнь твоя, светла и высока,
Звездой над всеми нами светится!*
Николай Зидаров

В тот день я пришла в школу рано. У литературного кабинета толпились школьники постарше, они что-то читали и оживленно переговаривались. Я подошла поближе и увидела на двери объявление:

«Ты решил стать членом литературного кружка?»

Внеси свой вклад: выучи стихотворение Михаила Авилова или напиши заметку о нём, или расскажи другим ребятам о его жизни и творчестве. Если это не под силу, просто приходи на заседание кружка, чтобы больше узнать о поэте-герое».

То был 2007 год, — год юбилея донского поэта Михаила Авилова. Давно уже прошёл праздник, но всё как будто вчера. И я никак ещё не могу остановиться, с огромным интересом продолжаю изучать творчество поэта. Письменный стол мой завален журналами, мемуарной литературой. Читаю и читаю, в

На другой день в посёлок пришли немцы...»¹ Плен. Бухенвальд, Гравинкель, Ордруф. Именно там, в лагерях смерти, он начал слагать стихи. Он сочинял их в глухую полночь, произнося строку за строкой, как молитву. Их нельзя было записывать, да и не было ни карандаша, ни бумаги. В феврале 1945 года Авилова (обессиленный изнурительным трудом, болезнями, голодом, он не мог работать) отправили для уничтожения в Берген-Бельцен. Но палачи не успели — в середине апреля пришло освобождение. Михаил Авиллов попал в советский госпиталь. И первое, что он сделал, это записал стихи. Те, что сохранила память.

До конца дней своих он уже не мог жить без поэзии. И хотя он вернулся к своей старой профессии и вновь работал сельским ветврачом, поэзия стала главным делом его жизни. Первый сборник вышел в 1961 году. Авилова приняли в Союз писателей. Затем появились другие книги. Поэт спешил — надо было сказать многое. О жизни.

О фронтовых друзьях. О Родине. О близких.

Вот у меня в руках книга «обжигающая сердце». Это сборник Михаила Авилова «Бессмертник». Здесь стихи, озаренные выстраданной любовью к родной стране, наполненные жаждой свободы и страстным призывом к борьбе с фашизмом, верой в победу.

*Чтобы не крикнуть,
В кровь кусал я губы;
Чтоб враг не видел слёз,
Я их глотал.
Выплёвывал я выбитые зубы,
Но на колени перед ним
Не стал.
Я, в кровь избитый,
Не стонал, не плакал, —*

пишет поэт в стихотворении «С допроса». Нет нужды комментировать эти строки и пояснять, здесь «правда страшная» явлена отчётливо и ясно.

А сколько душевной боли и страсти в его поэме «Пепел»!

*Мне руки за спиной скрутили немцы,
И вновь качнулась подо мной земля —
Звезду сорвали с шапки у меня,
Как будто из груди
Рванули сердце...*

А вот другие строки:

*«Не посмей умереть,
Ты обязан дышать,
Должен жить, чтобы
мстить! —
Приказала душа. —
Под пятой палачей,
Стиснув зубы от боли,
Сам готовь им удар
В бухенвальдском подполье».*

Стихи — герои. Разговариваю с ними. Читаю Время. Дружу с автором. Захлестываю его пламенем. Я счастлива, что с ним я одной веры. Одной родины. Он для меня — немеркнущая высочайшая высота.

*Только вспомню, и снова болят
Все рубцы на израненной коже.
Я носил полосатый бушлат
В Бухенвальде
И в Бельцене тоже.
В память врезались эти места,
Где топтали мне душу и разум.
Там легенда о муках Христа
Нам казалась наивным рассказом.*

Здесь каждая строка подтверждена кровью. Читаю и еле сдерживаю невольные слёзы, непрошенные, невызванные, — перед пронзительностью трагедии...

Читаю и представляю их автора, сильного, смелого человека, которого не сломили беды и невзгоды. Он выстоял. Не сломался. Не впал в уныние. Говорят, он всегда был таким.

«...душой всего барака считался... Авиллов. Он не оставался безучастным к тем, кто попадал в беду, старался им помочь. Сам иногда оставался без пайки хлеба, отдавая её товарищу, чтобы спасти тому жизнь. Отдавал больному свою одежду, и тогда мы поочерёдно согревались моей шинелью, — рассказывал бывший узник фашистского концлагеря Андрей Васильевич Иваницкий. — А самое главное — он умел зажечь сердца других верой в победу. Это было очень большим делом, потому что без веры в победу человек терял надежду выжить, становился пассивным, переставал следить за собой, опускался, не выдерживал ужасов фашистского плена. «Выше голову! — говорил он. — Всё равно победим!»²

Откуда он брал силы, чтобы выстоять, чтобы не сломиться, чтобы поддерживать других?

«Однажды... в лагерь пожаловали предатели — агитировать вступать в «армию» Власова. Речи их встретили молчанием. И только Миша Авиллов не выдержал, крикнул: «Среди нас предателей Родины нет!» Это был толчок, все зашумели, в адрес агитаторов полетели камни, и освистанные власовцы убрались из барака. А Мишу ждал карцер...»³ — вспоминал А.И. Иваницкий. И его воспоминания — урок мужества для нас. Вот вершина, которую может достичь Человек, Солдат, защитник Отечества!

Михаил Авиллов был Человеком в самом кристальном значении этого слова. Без единого пятна на своей человеческой клятве. На своей совести.

Он умер в 1974 году. Да, болел, да, тяжело. Но на самом деле — война, догнала его много лет спустя.

Литература:

¹ Моложавенко В.С. Костры памяти: Повесть-хроника. — Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1985, стр.163.

² Там же, стр. 188.

³ Там же, стр. 189.

От редакции:

Получив письмо из Морозовского района от ученицы 9-го класса Вербочанской сельской школы Анны Золотко, редакция газеты «Донской писатель» была удивлена и обрадована одновременно. И на это есть веские причины.

Оказывается, в обыкновенной сельской школе уже длительное время работает литературно-краеведческий кружок «Буревестник», который изучает и пропагандирует творчество донских писателей, тем самым прививая молодому поколению любовь к «своей малой родине». (Жаль, конечно, что наша юная корреспондентка не указала фамилии основателя и руководителя этого кружка, но думаем, что она восполнит этот пробел и расскажет нам о них, о самом кружке и его членах).

Кроме того, это письмо и очерк о донском поэте Михаиле Авиллове напомнил всем нам о том, что не всю нашу молодёжь интересуют лишь дискотеки, энергетические напитки, да американские боевики, есть ещё в нашей стране юноши и девушки, для которых любовь к Родине, её культуре и литературе не пустой звук. Понимать это очень отрудно.

Значит, жива ещё Россия, если есть у нас такая молодёжь.

Морозовск довольно далеко от Ростова, а Вербочанская школа — ещё дальше. Но дошла и туда наша, ещё совсем молодая, малоизвестная газета, попала какими-то неведомыми путями, и на неё откликнулись, как откликались уже из других городов и хуторов Ростовской области, из Брянска, Орла, Москвы и других регионов России. С каждым номером приобретает она всё большую популярность у читателей и писателей, и эти слова — не пустая реклама. Значит, уже играет она свою положительную роль, значит, мы на правильном пути. И это не может не радовать.

А тебе, Аня, мы хотим пожелать твёрдости духа, чтобы никакие жизненные коллизии и соблазны не смогли заставить тебя свернуть с той дороги, которую ты уже выбрала.

Счастья тебе!

Алексей Береговой, редактор

который раз перелистываю пожелтевшие от времени листы... И постепенно «оживают» газетные заметки, начинают «говорить» фотографии... Так по крохам восстанавливаются затерянные войной страницы фронтовой героической биографии поэта и борца.

Судьба приготовила Михаилу Авиллову суровые испытания. Он родился на Дону, в станице Цимлянкой. Оставшись в одиннадцать лет сиротой (его отец, мать и старшая сестра в гражданскую войну умерли от брюшного тифа), он пас летом станичные табуны, а зимой учился, мечтая стать «лошадиным доктором». После окончания школы работал грузчиком в Новочеркасске, помощником врубмашиниста на Луганщине, сельским ветврачом (сбылась детская мечта!). Воевал в 244-й стрелковой дивизии 19-й армии. Под Вязьмой был тяжело ранен, когда фашисты, блокировав 913-й полк, пытались и их тоже обойти с флангов. Ранение было тяжёлым, в обе ноги. После перевязки, сделанной наспех, Авиллов пролежал до вечера в траншее, кровавая бинты, и только под покровом темноты санитарам удалось перевезти его в Вадино.

Краткий протокол отчётно-выборного собрания 29 октября 2011 года

(Окончание)

Собрание единогласно признало работу предыдущего состава правления удовлетворительной и утвердило отчёт.

С отчётом о результатах деятельности ревизионной комиссии выступил председатель ревизионной комиссии Чеботников В.И.

В прениях не выступали.

Собрание единогласно утвердило отчёт ревизионной комиссии.

Воронов В.А. предложил кандидатуру нового председателя правления — Берегового А.Г.

Сполох С.А. предложил альтернативную кандидатуру на пост председателя правления — Рощупкина А.В.

Рощупкин А.В. в небольшом выступлении заявил о снятии своей кандидатуры.

Председателем правления был избран (34 голоса — за, 2 — против) прозаик **Береговой Алексей Григорьевич**.

Береговой А.Г. предложил на пост заместителя председателя правления Можаяева А. Н. Собрание единогласно избрало прозаика **Можаяева Александра Николаевича** заместителем председателя правления.

Береговой А.Г. предложил вновь избрать правление из 9 человек, собрание с этим предложением со-

учётom 33% ротации кадров и предложил их кандидатуры. Собрание единогласно избрало в состав правления **Бусленко Н.И., Глазунова А.И., Сазонову И.А., Студеникину Г.В., Малюкову Л.Н., Чеботникову В.И., Шостко В.И.**

Чеботников В.И. предложил избрать в состав ревизионной комиссии писателей Барвенко В.В., Кравченко А.А. и Старикова Б.М. Собрание единогласно избрало в состав ревизионной комиссии **Барвенко В.В., Кравченко А.А., Старикова Б.М.**

В шестом вопросе «разное» собрание рассмотрело вопрос о необходимости создания в отделении

постоянно действующей писательской конференции и большинством голосов признало её необходимость. Председатель счётно-мандатной комиссии Бусленко Н.И. доложил о результатах подсчёта голосов после вскрытия конвертов тайного голосования по

тайного голосования, что обеспечивает кворум голосования. После вскрытия конвертов были обнаружены 34 бюллетеня, испорченных бюллетеней нет. После подсчёта голосов установлено, что на 11 мест делегатов конференции претендует 17 кандидатов.

По максимальному количеству голосов делегатами постоянно действующей конференции Ростовского

Во втором разделе пункта повестки «разное» собрание рассмотрело необходимость увеличения с 2012 года размера членских

регионального отделения Союза писателей России избраны следующие писатели:

1. **Береговой А.Г. - 34 голоса**
2. **Воронов В.А. - 34**
3. **Глазунов А.И. - 34**
4. **Кудрявцев И.Н. - 26**
5. **Малюкова Л.Н. - 34**
6. **Студеникина Г.В. - 34**
7. **Сазонова И.А. - 33**
8. **Павленко К.И. - 31**
9. **Чеботников В.И. - 34**
10. **Рощупкин А.В. - 33**
11. **Хлыстова Л.А. - 34**

Кудрявцев И.Н. снял свою кандидатуру, его место занял набравший наибольшее число голосов среди остальных претендентов **Бусленко Н.И.**

взносов. 35-ю голосами «За», при 1-м «Против» собрание утвердило предложение правления об увеличении с 2012 года размера членских взносов до 500 рублей в год.

В заключение собрание поблагодарило за работу выбывших членов правления Астапенко В.А., Воронова В.А., Дьякова Л.В., членов ревизионной комиссии Чеботникова В.И., Кравченко И.Я., Лободину Г.В. и по предложению Кудрявцева И.Н. избрало Воронова В.А. Почётным председателем Ростовского отделения СПР

На этом собрании закончило свою работу.

Правление РРО СП России

гласилось. Ввиду того, что 2 члена правления — председатель и его заместитель — были уже избраны, Береговой А.Г. предложил избрать 7 остальных членов правления с

«по полной». Но чрезмерная экспрессия и нагромождение слов лишили её поэзии. После «зажигательных» строк: «Блещи, как ризы, яхонтом горящие, /Вь льёте свет, и каждый луч певуч», ничего другого не остаётся, как впасть в неистовый «мажор»: «Читаем и поём, раскрыв объятия, мы... /Перед солунскими склоняясь братьями...»

А. Блок однажды заметил: «Надо, побеждая восторг и усталость, писать задумчиво». И разве не счастливая «задумчивость» диктует стихи о Пушкине В. Моисееву, где каждое слово свято, всему своё законное место? Вслушаемся в них: «Летит сквозь ночь копытный топ. /Бубенчик к месяцу подвешен /Горячей тройки крепкий пот/ с морозным ветром густо смешан. /Латунных блях свежо сиянье. /Копытный топ трясёт зенит. /Летят в Михайловское сани /по гулкой млечности зимы. /Бубенчик нежно даль голубит. /Поэт зиме сердечно рад. /Метель целует жарко в губы /и смоль ласкает бакенбард». Или стихи В. Можаяева, драматические, невольно вызывающие ощущение «горного света»: «Если веру

Людмила Малюкова О НАДЕЖДАХ, ПРОВИНЦИИ И ЕЁ ТВОРЧЕСКИХ ПОРЫВАХ

(Окончание)

и крепость утрачу, /Если света не станет в лице, /Я войду в Божий храм и заплачу! /Перед Ликом в терновом венце». Она словно восстанавливает утраченные звенья истории в художественной панораме. Какой глубокий подтекст заключен, например, в этих стихах: «Загуляла Украина — /Так, что шуму на весь свет. /Загуляла с кем пошло, /Забродила злая муть... /Ночка темная упала, /Над таможенной — Млечный путь... /Мчатся кони... Гей, Маричка! /Разлетайтесь, пыль и хлам! /Только кровь мою, сестричка, /Как поделим пополам?»

Замечу, что лирика самый трудный жанр, за который берутся многие, делая ставку на лёгкость, а ещё — почётное звание называется поэтом. Но «Поэт — это судьба» (А. Блок). Если она заложена в вас, — творите «в задумчивости», «мучаясь, где подходящее слово взять». В противном случае поэзия «выпадет в осадок», возвратив вам «обратный билет». Однако как

быть с желанием А. Назаренко: «Хотелось бы постоянно читать «Донской писатель»? Не могу не заметить: а почему, не читать, хотя бы потому, чтобы знать, что и как пишут? Другое дело: вызовет ли прочитанное «наслаждение», настроит ли на размышление.

Отрадно, что «Донской писатель» взял энергичный курс на «освоение» текущих культурных событий. Но нельзя упускать при этом качество публикаций, помнить, что газета живой оперативный орган, требующий полемике, гражданской и эстетической принципиальности. Она — «Донской писатель»! А это обязывает ко многому. В противном случае надежда «на провинцию» окажется весьма иллюзорной. Как сказано в Писании: «И прах будет призван, и ему будет сказано: «Верни то, что тебе не принадлежит. Яви то, что ты сохранил до времени. Ибо словом был создан мир, и словом воскреснем» (Откровение Варуха, сына Нерии).

От редакции

Редакция газеты «ДП» не всегда разделяет мнение своих авторов, однако стремясь к разносторонности литературных мнений, старается представлять свои страницы для выражения их, каждому желающему выступить корреспонденту, неравнодушному к становлению и к текущей жизни газеты «ДП». Но всё же, поддерживая полемику, газета учитывает тот факт, что ни чьё мнение не может претендовать на истину в последней инстанции.

В №5 этого года мы публиковали письмо А. Назаренко, выразившего своё мнение о №3 «ДП». Сегодня своё мнение о газете высказывает член СП России Л. Малюкова. Но даже в этом её, (на наш взгляд) явно тенденциозном выступлении, читатель сможет заметить, что не всё в газете так уж плохо, есть кое-что и хорошее. И надо сказать, что даже такие публикации выполняют главную задачу газеты — популяризируют творчество донских писателей.

Ждём ваших писем.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРНОГО
ФОНДА
РОССИИ
ДОНСКОЙ
ПИСАТЕЛЬ
РОСТОВ-НА-ДОНУ

Газета писателей Ростовской области

редактор **Алексей Береговой**
над выпуском работали:
корректор **Е. Симонова**
верстка **И. Зубковой**
художник **Н. Коноллова**

Номер подписан в печать 11.11.11 г. Тираж 990 экз
Адрес редакции: 344002, Ростов-на-Дону, ул. Серафимовича, 89/94
т/ф 8 (863)262-03-88, т. 262-08-12
beregovoy@ctsnet.ru
распространяется бесплатно

Общественная редакционная коллегия:

М. Астапенко	Т. Аксенова	А. Береговой
Н. Бусленко	В. Воронов	А. Глазунов
Л. Дьяков	Л. Малюкова	А. Можаяев
А. Попова	И. Сазонова	Н. Скрёбов
Г. Студеникина	В. Чеботников	В. Шостко

Номера газеты «Донской писатель» и альманаха «Дон и Кубань» можно прочитать на сайте: www.donlib.ru

С днем рождения!

ПОЗДРАВЛЯЕМ наших товарищей, писателей, членов Союза писателей России, Союза российских писателей и Литфонда, родившихся в ноябре:

- Колесова Геннадия Семёновна** (04.11.1946);
 - Можаяеву Викторю Валерьевну** (11.11.1962);
 - Соболева Александра Юрьевича** (13.11.1952);
 - Кисилевского Вениамина Ефимовича** (15.11.1940);
 - Ремесника Юрия Петровича** (17.11.1939);
 - Астапенко Михаила Павловича с 60-летием** (17.11.1951);
 - Можаяев Александра Николаевича** (22.11.1955);
 - Гонзалес-Гальего Екатерину Петровну** (24.11.1965);
 - Андрееву Ольгу Юрьевну** (29.11.1963);
- Желаем прекрасного здоровья, без простуд и ноябрьских хворей, творческой осени, новых произве-

НЕЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

- 110 лет со дня рождения:**
Шолохов-Синяевский Георгий Филиппович (1901-1967);
Родился 17 ноября 1901г.
- 100 лет со дня рождения:**
Штительман Михаил Ефимович (1911-1941);
Родился 13 ноября 1911г.;
- 80 лет со дня рождения:**
Козлов Борис Сергеевич (1931-2008);
Родился 9 ноября 1931г.

Управление культуры Администрации Ростова-на-Дону поздравляет своих сотрудников — юбиляров ноября 2011 года:

- с 75-ЛЕТИЕМ:**
Лагеза Анну Григорьевну (30.11.1936);
- с 65-ЛЕТИЕМ:**
Полянину Эмилию Николаевну (20.11.1946);
- с 55-ЛЕТИЕМ:**
Петрашова Сергея Александровича (03.11.1956);
- Жучкову Валентину Алексеевну** (10.11.1956);
- Грибанову Ирину Олеговну** (17.11.1956);
- Клец Веру Сергеевну** (23.11.1956);
- Прокопович Людмилу Анатольевну** (25.11.1956);
- Мурадову Анаиду Савельевну** (28.11.1956);
- Ревину Анну Юрьевну** (29.11.1956);
- с 50-ЛЕТИЕМ:**
Иваницкую Людмилу Васильевну (10.11.1961);
- Малых Александра Геннадьевича** (17.11.1961);
- Молчанкина Сергея Николаевича** (21.11.1961);
- Любимову Валентину Анатольевну** (27.11.1961);
- Яковенко Светлану Анатольевну** (27.11.1961);
- С 40 — ЛЕТИЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:**
Горлову Наталью Николаевну и желает здоровья, великолепного настроения, успешных творческих начинаний!